

беседа вторая Яцек Куронь

Краткая биография, составленная на основе рассказа Кароля Модзелевского:

Яцек Куронь родился 3 марта 1934 года во Львове. Он сын члена Польской социалистической партии, которая затем слилась с ПОРП. Семья Куроня — с традициями польского рабочего движения. Молодым парнем Яцек пошел работать в комсомол и был там, как говорится, аппаратчиком среднего уровня. Вскоре его оттуда выгнали, как, впрочем, и из партии, в которую он успел вступить. Затем Куронь поступил в институт, обучился на историка и вновь вступил в ПОРП, убедив в такой необходимости и Кароля Модзелевского, своего нового друга, вместе с которым он с тех пор ведёт борьбу за реформы в Польше.

Яцек Куронь принимал активное участие в организации студенческого движения в октябре 1956 года. Он был видным деятелем скаутинга — молодежной легальной организации, играл в этой организации важную роль и противостоял тем довоенным деятелям скаутинга, которые стремились придать этой организации независимый от партии характер, за что Яцека Куроня теперь упрекают.¹

Вместе с Модзелевским Куронь является организатором в 1962 году дискуссионного студенческого клуба в университете Варшавы. Таких крупных молодежных студенческих клу-

бов было несколько. Были также «Кривой Круг» — элитарный клуб молодых интеллектуалов, «Клуб искателей противоречий» — организованный позже, при участии Адама Михника.

Куронь и Модзелевский написали в 1964 году знаменитое «Открытое письмо к партии», которое вызвало в то время широкий резонанс. В 1965 году оба были осуждены на три года. Вышли в мае 1967 года, но опять осуждены за участие в мартовских событиях 1968 года. Просидев в заключении три с половиной года и выйдя на свободу в сентябре 1971 года, Яцек Куронь стал одним из основателей и, по словам Модзелевского, главным лидером КОС-КОРа (Комитет защиты рабочих — Komitet Obrony Robotników), а затем одним из видных советников Краевой комиссии «Солидарности».

Куронь был интернирован 13 декабря 1980 года с введением в Польше военного положения. В августе 1981 года переведен в тюрьму, в которой находился до августа 1984 года, когда его освободили по амнистии.

Характеризуя Куроня и Модзелевского, автор книги «Крах "Операции Полония"» Вадим Трубников писал:

«В силу неумного тщеславия и стремления покрасоваться, Куронь, со своими бонапартистскими замашками, всегда был больше на виду, хотя основной фигурой в этом "тандеме", как показали дальнейшие события, был Модзелевский. "Первым в ряду самых ярых врагов реального социализма в Польше, — писала в 1983 году Варшавская газета "Жолнеж Вольности", — стоит Кароль Модзелевский, наиболее тесно связанный с враждебными диверсионными вражескими центрами"». (Трубников, В.П. Крах «Операции Полония». — М.: АПН. 1983. С.31.)

По рассказу Модзелевского, они с Куронем впервые прочитали эту книгу во время многочасовой поездки в поезде, причём читали, покатываясь со смеху...

Куронь — один из ближайших советников Леха Валенсы. Его кандидатура рассматривалась при назначении премьер-министра Польши. В правительстве Тадеуша Мазовецкого ему предложен пост министра труда и социального обеспечения.²

* * *

Впервые я встретился с Яцеком Куронем 30 августа. Он расспрашивал о моих делах и внимательно слушал меня, что для него непривычно, так как этот деятель привык, чтобы больше слушали его. Серьёзной беседы в тот день не получилось, поскольку Куронь не вполне владеет русским, и мы перенесли встречу на несколько дней (на 2 сентября), когда больше времени будет у Кароля Модзелевского.

Куронь произвёл на меня двойное впечатление. Поразила в его суждениях невероятная лёгкость, даже более того. А ведь речь идет о судьбе народа. Его народа! Вместе с тем, в Куроне есть та необузданность и политический темперамент, без которых едва ли какое-то дело сдвинулось бы с места. Модзелевский говорил, что Куронь чрезвычайно богат на идеи и проекты. По словам Кароля, девять из десяти таких проектов — сумасбродные, но один всегда может оказаться гениальным. *«Это очень полезный деятель, — утверждал Модзелевский, — но возле него всегда должен кто-нибудь быть...»*

Куронь показался мне очень весёлым и гостеприимным человеком. Наша беседа состоялась у него дома, в Варшаве. При этом присутствовали Кароль Модзелевский, выполнявший роль переводчика, Збигнев Буяк — лидер варшавской «Соли-

дарности» — и Хенрик Вуец (Henryk Wujec), также один из активных деятелей независимого профсоюза.

Уже во время нашего разговора подошёл — как всегда, весёлый и перевозбуждённый — Адам Михник. В таком представительном составе я и разговаривал с Яцеком Куронем, и за нашей беседой все присутствовавшие, как мне показалось, с любопытством наблюдали.³

* * *

Валерий Писигин. Пан Яцек, меня очень волнует вопрос о поколениях. Я стараюсь этот вопрос задавать всем. У нас в стране произошел разрыв поколений, каждое поколение имеет присущие только ему черты и очень неохотно идет на сближение с другими поколениями. Более того, существуют совершенно замкнутые миры поколений. Это очень опасно, и нас тревожит это состояние. А как обстоит дело у вас и как вы относитесь к этой проблеме?

Яцек Куронь. Я не чувствую разницы поколений. Во время избирательной кампании моими помощниками были молодые люди, начиная со средней школы, а также студенты, и никакой проблемы в разнице поколений я не чувствовал.

В.П. Но на днях я разговаривал с представителем более молодого, чем ваше, поколения руководителей «Солидарности», я имею в виду Владислава Фрасынюка, и он говорит, что различия между поколениями всё же имеются. Более старшие, в сравнении с вами, боятся войны, голода, тюрем... Пятидесятiletние боятся сталинского террора... Это их удерживает от активных действий... Словом, каждое поколение, по словам Фрасынюка, «имеет свой груз, свой багаж, который его отягощает и мешает действовать в духе нового времени».

Я.К. Я согласен, что у каждого человека есть свои тяжести, которые мешают нормально жить, но я не отношу это на счёт поколений. Можно, конечно, сказать, что существует разница между теми, кто пришел действовать до первой «Солидарности», и теми, кто пришёл после, причём несмотря на разницу в возрасте. Но военное положение стёрло эту грань. Сейчас появилось новое поколение, которое тоже пришло в движение. И в этом смысле можно говорить о поколениях. Но это дело не биологического возраста. Можно говорить о тех, кто пережил войну, кто принимал в ней участие. Можно говорить о тех, кто был арестован в сталинское время. Например, все те, которые пережили аресты в сталинские времена, они всегда отвечают на вопросы. Правду говорить, обманывать — но обязательно отвечать. Им в голову не приходит, что можно отказаться отвечать, потому что их бы тогда за это убили... Но так делить поколения, как предлагаешь ты, — нельзя...

Правда, моя точка зрения может оказаться необъективной, так как я говорю о людях активных, связанных борьбой, и здесь может быть всё иначе, чем у тех, кто бездействует. Может, для обывателей это различие поколений значит гораздо больше. Меня всегда смешит, когда приходят молодые и говорят, что они по-другому видят мир. Я думаю, это способ прибавить себе значения, важности, дескать, он *«представитель молодежи»*, значит, ему есть кого *«представлять»*. Если бы ты сказал молодёжи из «Солидарности», что они — представители молодого поколения (*при этом Куронь указал на Збигнева Буяка*), они бы померли от смеха... (*Буяк засмеялся.*)⁴

В.П. Теперь вот о чём... У нас в стране чрезвычайно мало известно о том, что происходит у вас в Польше. Понятно, что наши средства массовой информации не очень беспокоятся о том, чтобы мы знали правду. До нас доносятся какие-то отзвуки, какие-то слухи и так далее, но полноценной картины лично

у меня нет. Мы не знаем истинного положения вещей, а это чрезвычайно важно, потому что от успеха у вас зависит положение дел у нас, в то же время нам очень важен ваш опыт. Но вот мы обратили внимание на известное заявление Адама Михника: «Президент — ваш, премьер — наш!» (*То есть премьер и правительство — от оппозиции, а президент — от правящей партии — В.П.*) Это напомнило нам заявление одного человека примерно вашего возраста: «*Есть такая партия!*» (*Общий смех.*)

Модзелевский (*смеётся*). Тот был моложе... Немного, но моложе...

В.П. Да, лет сорок — сорок пять ему, кажется, было...

Я.К. Ну а мне пятьдесят пять...

В.П. (*ко всем*). Только что он говорил, что не обращает внимание на возраст и для него нет разницы в поколениях!

Модзелевский (*обращается к Куроню*). Мне еще нет пятидесяти двух, а тебе на три с половиной больше! (*Смеются.*)

В.П. Так вот... Чтобы делать такие заявления — надо обладать большой ответственностью. Мне кажется, что за это заявление ухватились наиболее умные и толковые ваши противники, которые просчитывают ситуацию, прекрасно понимая: чей бы ни был премьер и чьё бы ни было правительство, в ближайшее время в Польше нет группы или группировки, вооруженной серьезной экономической программой, опирающейся на мощные демократические слои, для того чтобы вытащить Польшу из вот этого глубокого кризиса. Поэтому они с удовольствием приняли этот ваш тезис, эту формулу, Ярузельский (*Wojciech Witold Jaruzelski*) выставил свою кандидатуру в президенты, хотя в начале отказывался от этого, а другой лидер, Лех Валенса, догадавшись, что всё это грозит серьезными потрясениями, уехал в Гданьск, сосредоточившись на работе в этом районе, оставив ситуацию на Тадеуша Мазовецкого и на

тех, кто его поддерживает. Это, как вы понимаете, мое личное предположение, оно может быть ошибочным... Но что вы думаете об этом?

Я.К. Я не согласен с такой интерпретацией. Что касается коммунистов и Валенсы, то это не так. Но это и не существенно в данный момент. Существенен вопрос: *есть ли программа?*

Я хочу объявить: «Да, есть!» И кажется, что она всем известна. Её не смогли реализовать партийные реформаторы, потому что они связаны с номенклатурой, социальной опорой этого строя. Что касается Мазовецкого, то, вообще, вопрос программы такой: все знают, *что* надо сделать, что надо перейти к рыночной экономике, провести радикальную реформу собственности. Но такую реформу собственности нельзя сделать без рыночной экономики, и наоборот. У нас есть такие, которые говорят: «Надо сделать прыжок!» Они хотят одним «прыжком», с четверга на пятницу, всё решить, всё сделать. Но есть люди, которые предлагают решать проблемы поэтапно. Те и другие имеют программы. Сейчас у Мазовецкого имеются две возможности. Первая — его правительству удастся решить эти программы; вторая — его правительство сорвётся, падёт в результате социальных потрясений, которые его сломают. Но в целом это ничего не изменит, так как свою историческую задачу правительство Мазовецкого в обоих случаях выполнит.

Позавчера у нас был разговор с одним из важнейших персонажей партийного руководства, которому я предложил в случае падения правительства Мазовецкого создать коалицию из «Солидарности» и ПОРП. Он мне ответил, что ПОРП — это уже прошлое. Партия разваливается, потому что это партия номенклатуры. И они бегут сейчас, как крысы с тонущего корабля. Конечно, если Мазовецкому ничего не удастся сделать и всё лопнет, сильно пострадает авторитет «Солидарности», будет рост общественной дезорганизации, а значит, возрастет уг-

роза применения насилия. Но в любом случае никто уже здесь коммунизма не восстановит. Коммунисты это знали с самого начала. Сейчас, после 4-го июня, я с ними разговаривал по вопросу «*ваш президент — наш премьер*». Они говорили: «Это заманчивое предложение, но партия у нас распадается». Они это предвидели, и вот теперь это происходит.⁵

В.П. У меня возникло впечатление, ещё в Советском Союзе, — причём с того момента, как я начал пристально следить за событиями в Польше, а здесь оно только укрепилось, — что, при феноменальных победах политических, при удаче в организации серьезных политических структур, — произошёл огромный перекося в области новых производственных отношений, то есть проблема в недооценке экономизации своей политики. Получилось, что политической победе не соответствуют экономические преобразования, проводимые «Солидарностью». Нет достаточно мощной экономической базы, опираясь на которую можно было бы делать дальнейшие шаги. Нет тесной связи вашего политического движения с альтернативной экономикой Польши. Я не обнаружил в разговорах заботы о накоплении *общественного капитала* как экономической базы для оформления гражданского общества.⁶ Такой капитал, альтернативный государственному монополизму, существует у вас только в сельском хозяйстве... Что вы на это скажете?

Я.К. Вы, конечно, правы. Но всё это невозможно построить при номенклатуре. И мы включаемся здесь в довольно трудную для меня дискуссию, потому что вы — марксист, и мы будем вести наш разговор с двух разных берегов океана...

Идея, которую вы предлагаете, — а я прочитал ваши бумаги — благородна, но всё это неизбежно развалится при нынешней ситуации. Это может существовать только в условиях сильного рыночного окружения. Ну и нечего тут мудрить! Надо капитализм строить! И только потом мы уже сможем гово-

речь о том, чтобы рабочий стал субъектом труда. Только потом... Маркс, я не помню уже в каком случае, говорил, что может сложиться ситуация, при которой общество скатится назад, в докапиталистические отношения, то есть оно не доросло до сознания частной собственности. Вот мы в таком положении, когда нам надо всё это пройти.

В.П. Я понимаю, о чем вы говорите...

Я.К. Так ведь это надо осознать, построить надо сначала рынок на капиталистических началах, а после мы будем говорить о том, что на Западе называется «самоуправлением».

В.П. То есть речь идёт о том, что, «перескочив» через неразвитые до конца капиталистические отношения, точнее — отбросив их, мы провозгласили некие «новые» отношения, тем самым отбросив себя назад. Но вот теперь наконец-то мы «доросли» до частной собственности, и задача теперь, чтобы через неё идти дальше вперёд... Я правильно понял?

Я.К. Да, совершенно правильно.

В.П. Тогда у меня ещё один вопрос. Можно ли сказать, что экономика Польши контролируется сегодня тоталитарным государством?

Я.К. Нет. Она сегодня уже не контролируется никем. Номенклатура существует сегодня не как сила государства, а как мафия...

В.П. Но ведь она так существует давно...

Я.К. Да. Но она теперь существует без государства. Она дезорганизована. Неслучайно, что в партийном руководстве и в партактивах обкомов они так слабы, что не могут организовать себя против партийных либералов, которые немногочисленны. Это разные мафии, и они мало общего имеют между собой, и они слабы как политическая сила. Если мы теперь проведём выборы в местное самоуправление, то мы их разобьем к ё...й матери...

Модзелевский. Я ищу какое-нибудь слово, соответствующее матерному выражению, но не нахожу...

В.П. Я найду такое слово... Русский язык богат на такие слова... (*Смех.*) Но вот в чём проблема. Оказывается, к великому сожалению для политиков, после захвата зимних, смольных и тому подобных цитаделей власти люди не перестают хотеть пить, есть, одеваться, обуваться... Меня интересует: какие слои в Польше работают в альтернативной экономике, в новых общественных отношениях, идет ли перераспределение собственности, ибо что же такое «взять власть»?

Я.К. Ты имеешь в виду альтернативное экономическое хозяйство или альтернативное экономическое мышление?

В.П. Я имею в виду и то, и другое.

Я.К. Альтернативное хозяйство у нас существует.

В.П. Я это вижу. Но я не вижу у этого хозяйства *политической надстройки*.

Я.К. «Политическая надстройка» — это мышление и высказывание рыночно ориентированных экономистов-теоретиков. Даже политическое движение такое есть...

В.П. Всё же я очень хочу задать вопрос. Вернуться к вопросу о *взятии власти*. При этом вы можете называть меня марксистом или еще кем-либо, хотя я «писигинист». (*Всеобщий смех.*) Власть взять, по-вашему, это перераспределить собственность? И пан Куронь...

Я.К. Первый наш шаг: мы продаем государственное. Из народного хозяйства будет выделена часть производственная — конечно, без шахт, железных дорог, — и эту работу возглавит ликвидационная комиссия. Всё это будет продаваться.

В.П. А кто всё это купит?

Я.К. Некоторые объекты купят немедленно. Небольшие производства. Торговую сеть. Надо будет выпустить акции на нормальный рынок.

В.П. А есть этот «нормальный» рынок?

Я.К. Если он хочет мне доказать (*обращается к Модзелевскому*), что мы не знаем, как это сделать, значит, он прав, потому что никто этого не знает, поскольку никто никогда этого не делал. Это революция, делаемая антиреволюционерами. Нет выхода. Надо же обратить назад то, что здесь сделали... Знаешь, что такое социализм? Это самый длинный, самый болезненный путь от капитализма к капитализму!

В.П. Я слышал такой юмор. Он у нас также популярен.

Я.К. Мы не знаем, как сделать это. Но мы будем делать. Я не ручаюсь. Может, нам не удастся из этого выйти...

Модзелевский (*смеется и обращается к Куроню*). Ты уж точно в следующий раз не выйдешь.

Я.К. А кто ж меня тогда посадит? Просто победивший народ меня гильотинирует. Это возможно.

В.П. У меня нет времени рассказывать вам о своей концепции, о своём пути, и это, вероятно, здесь мало кого заинтересует. У вас свой путь....

Я.К. Это не наш путь... Это просто попытка перехода к рыночному хозяйству. Нет другого пути!

В.П. Никто этого не отрицает. Мы тоже стоим перед вопросом перехода к рыночной экономике. Но мы выступаем за гармонию этого перехода. А вот один молодой человек, один из лидеров «Солидарности», я имею в виду Владислава Фрасынюка из Вроцлава, с которым я долго беседовал и который тесно связан с рабочими массами, — он говорит: «*Правительству веры нет. Партии веры нет*». Он рассказывал, что прежде правительство предлагало бросить политику и заняться экономикой. Они предлагали взять в аренду фабрики, заводы, предлагали развивать кооперацию, для этого снижали налоги, давали кредиты, но от этого «Солидарность» отказывалась, не шла на компромиссы. Фрасынюк сказал, что государство толь-

ко тогда будет «хорошим», когда к его виску будет приставлен пистолет. Только на таком языке можно «сотрудничать» с государством... Но, согласитесь, это уже не государство. Государством становится уже тот, в чьих руках пистолет. Я вспоминаю мысль нашего философа Бердяева: *«Поистине, государство менее деспотично, чем общество, возомнившее себя государством»*.

То, что вы сейчас говорите, — это отрицание гармонии при переходе к рыночным отношениям. Это действительно революция наоборот, это контрреволюция. Она столь же разрушительна, и даже более того. Вы ослабили всё, сделали всё «свободным» в надежде, что рынок создастся как-нибудь сам собой... Я считаю, что это чрезвычайно опасный путь. Потому что он может привести к большим потрясениям в Польше. И может быть, что к этим потрясениям номенклатура готова больше, чем вы.

Я.К. По-моему, ты прав на сто процентов, а может, на девяносто. Но то, что те структуры, с которыми мы боремся, подготовлены лучше нас, — это неправда. Они тоже не подготовлены. Никто не подготовлен.

В.П. Но у них есть Большой Друг.

Я.К. Но у этого Большого Друга достаточно своих хлопот, я думаю...

В.П. Хлопотой больше — хлопотой меньше...

Я.К. *(обращается к Модзелевскому и остальным присутствующим)*. То, что он нам тут рассказывает, так быстро здесь рассыпалось. У него возникнут скоро такие же вопросы по отношению к Советскому Союзу, очень скоро, несмотря на то что у него имеется эта самая «программа гармоничного перехода». Я долгие годы тоже был сторонником гармоничного перехода, вместе с нашим товарищем Рышардом Бугаем (Ryszard Bugaj), с которым я соглашаюсь до сих пор. Это был

очень интересный проект, но сейчас он рассыпался на мелкие кусочки, и его нельзя больше склеить. Этот спор мы ведём многие и многие годы. Мне кажется, что прежде всего из-за общественных ожиданий нам ждать больше нельзя. Если бы мы умели дать народу хлеб и мясо, то можно было бы не делать никакого прыжка. Но мы не можем этого дать, и никто сейчас этого дать не может. Вместо хлеба и мяса, надо дать прыжок...⁷

В.П. Но всё же меня удивляет... Ведь существует ситуация в стране, такая обстановка, при которой интересы самого высшего руководства и широких слоёв общества — совпадают. В этом случае правительство предлагает не политические, а экономические свободы. Они предлагают развивать кооперацию, предлагают аренду, разрешают создавать кооперативные банки... Почему этим не пользуется «Солидарность»?

Я.К. Я с этого начал. Потому что то, о чем говоришь ты, может действовать только в рыночном окружении. Это «квадратура круга», как у нас говорят. Посмотри на Югославию. Они прошли этот круг, а почему у них остались проблемы? Потому что у них есть рынок без собственности.

В.П. Может, целесообразно посмотреть, чего не сделали и что сделали югославы. У нас сейчас очень активно развивается кооперация, конечно, не без преград, но все же. Развиваются кооперативные банки, идет накопление общественного капитала, идет то, что мы называем «перекачкой» этого капитала и государственного сектора... Сейчас развивается аренда крупных промышленных предприятий...

Я.К. Всё это существует у вас?

В.П. Да! Да!

Модзелевский. Он не верит...

Я.К. Как без рынка могут существовать банки?

В.П. Рынок в Советском Союзе существовал всегда... Но он был подпольным...

Я.К. Разговор между нами... такой... Представь, что я твой брат, старше на пять лет. Не в возрасте дело, просто мы это уже прошли. Это всё сказки.

В.П. Время покажет.

Я.К. *(говорит по-русски, смеётся).* Да, время покажет!

В.П. Ну, я желаю вам успехов, несмотря ни на что... *(Все смеются, особенно громко Михник.)*

Я.К. *(по-русски).* «Несмотря ни на что...» И я буду очень рад, если вам будет сопутствовать успех. Очень-очень буду рад... *(Смеётся. Все смеются, Михник заливается смехом.)*⁸

Збигнев Буяк, Валерий
Писигин, Адам Михник,
Кароль Модзелевский и
Яцек Куронь.
2 сентября 1989. Варшава.

”